

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

СОРОК ДЕВЯТАЯ СЕССИЯ

Официальные отчеты

ШЕСТОЙ КОМИТЕТ
25-е заседание,
состоявшееся в среду,
2 ноября 1994 года,
в 10 ч. 00 м.,
Нью-Йорк

КРАТКИЙ ОТЧЕТ О 25-М ЗАСЕДАНИИ

Председатель: г-н МАДЕЙ (Польша)

СОДЕРЖАНИЕ

ПУНКТ 137 ПОВЕСТКИ ДНЯ: ДОКЛАД КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА О РАБОТЕ
ЕЕ СОРОК ШЕСТОЙ СЕССИИ (продолжение)

В настоящий отчет могут вноситься поправки. Поправки должны направляться за подписью одного из членов соответствующей делегации в течение одной недели с момента опубликования на имя начальника Секции редактирования официальных отчетов (Chief, Official Records Editing Section, room DC2-794, 2 United Nations Plaza) и включаться в экземпляр отчета.

Поправки будут издаваться после окончания сессии в виде отдельного исправления для каждого Комитета.

Distr. GENERAL
A/C.6/49/SR.25
29 December 1994
RUSSIAN
ORIGINAL: ENGLISH

Заседание открывается в 10 ч. 25 м.

ПУНКТ 137 ПОВЕСТКИ ДНЯ: ДОКЛАД КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА О РАБОТЕ ЕЕ СОРОК ШЕСТОЙ СЕССИИ (продолжение) (A/49/10 и A/49/355)

1. Г-н КАЛЕРУ РОДРИГИС (Бразилия) говорит, что Комиссия международного права завершила свою работу по существенным последствиям международно противоправных деяний (прекращение противоправного поведения, возмещение и гарантии неповторения), приняв четыре статьи. Она не приняла еще четыре статьи, касающиеся инструментальных последствий таких деяний (контрмер), направленные ей в прошлом году, за неимением соответствующих комментариев. Специальный докладчик предложил изменения к двум из этих статей, и они были вновь препровождены в Редакционный комитет, который утвердил новый вариант одной из них, но не утвердил другую. Получив доклад Комитета, Комиссия в предварительном порядке приняла три из этих статей, но вновь отложила принятие решения по четвертой. Поскольку одна из трех принятых статей может быть изменена в свете того, что впоследствии будет решено касательно четвертой, Комиссия постановила не представлять принятые статьи Генеральной Ассамблее с учетом того обстоятельства, что эти четыре статьи задуманы в качестве единого целого, посвященного всем аспектам контрмер. Он выразил надежду на то, что Комиссия найдет удовлетворительное решение вопроса, задерживающего принятие статей, а именно условий, которые надлежит соблюдать государству, чтобы иметь право на принятие контрмер.

2. С логической точки зрения делегация Бразилии находит контрмеры неприятными: государство, считающее себя пострадавшим в результате того, что оно расценивает в качестве противоправного деяния другого государства, может, так сказать, взять правосудие в свои руки и применить в отношении этого другого государства меры, направленные на то, чтобы заставить его изменить свое поведение. Более сильные государства считают этот способ эффективным для защиты своих прав, однако более слабые государства вряд ли могут иметь достаточные основания ожидать, что их контрмеры окажут сколь-либо ощутимое воздействие на более сильные государства. Кроме того, применение контрмер не обусловлено каким-либо внешним контролем за фактом совершения противоправного деяния. Может возникнуть спор относительно того, было ли совершено противоправное деяние, однако урегулирование этого спора может затянуться надолго. Тем временем государство будет по-прежнему подвержено воздействию контрмер; в конечном счете, оно может получить возмещение за нанесенный ущерб, однако лишь после вероятно продолжительного периода нанесения ущерба, который может оставить неизгладимый след на его экономике. Если принятие контрмер невозможно избежать вовсе, крайне важно по меньшей мере разработать систему, не позволяющую государству принимать контрмеры без предварительного определения независимой третьей стороной того, что меры оправданы. То же самое должно быть применимо к соблюдению условий и ограничений, устанавливаемых для контрмер.

3. Хотя Комиссия уделила большое внимание вопросу о контрмерах в отношении деяний, характеризующихся в качестве преступлений согласно статье 19 части первой проекта статей, проблема отнюдь не решена. Оратор задается вопросом, не следовало ли Комиссии в двух конкретных случаях отдать себе отчет в том, что она движется по направлению к болоту, в котором она может завязнуть. Впервые это произошло, когда она приняла статью 19 части первой, установив разграничение между "обычными" международно противоправными деяниями ("деликтами") и особенно серьезными противоправными деяниями ("преступлениями"). Во второй раз это случилось, когда, следуя логике части первой, она решила по предложению Специального докладчика полностью, отдельно рассмотреть вопрос о последствиях преступлений. Это решение усугубило проблему, поскольку Комиссия столкнулась с задачей рассмотрения последствий преступлений в рамках отдельных положений, вместо того чтобы просто рассмотреть, какие последствия следует увязать с преступлениями в дополнение к последствиям, вытекающим из любого международного противоправного деяния, как было предложено бывшим Специальным

докладчиком г-ном Виллемом Рифагеном. Из доклада совершенно ясно видно, как много проблем возникает в этой связи и о сколь многих решениях можно с достаточной обоснованностью вести речь. Хотя Комиссия официально не признала предложение о том, чтобы пересмотреть статью 19, не дожидаясь второго чтения, имело место обсуждение на предмет того, не следует ли опустить или изменить эту статью, хотя бы с целью избежать употребления слова "преступление". Продолжалось обсуждение вопроса о том, должны ли последствия преступлений быть совершенно отличными от последствий деликтов или в обоих случаях можно использовать концепцию возмещения, а также рассматривался вопрос о том, не может ли возмещение носить карательный характер.

4. Отмечались разногласия в отношении инструментальных последствий. Подчеркивалось, что контрмеры разрабатываются на двусторонней основе, даже при нарушении обязательств erga omnes. В этой связи возникает вопрос о том, как быть, если нарушенное обязательство было направлено на защиту основополагающих интересов каждого государства. В принципе право реагировать имело бы сообщество государств. Если это означает Организацию Объединенных Наций, то из этого вытекает еще один вопрос – о том, входит ли такое реагирование в компетенцию Совета Безопасности, Генеральной Ассамблеи или Международного Суда. Такой теоретически корректный подход может привести к параличу. Сложность этих и прочих проблем такова, что некоторые члены Комиссии высказали соображения о том, что, если Комиссия действительно намерена завершить первое чтение до истечения нынешнего мандата ее членов, ей следует отложить рассмотрение вопроса о юридических последствиях международных преступлений до второго чтения, когда в силу опущений или изменений может быть изыскано подходящее решение. Несмотря на то обстоятельство, что такая процедура оставит нежелательный пробел в статьях, делегация Бразилии все же рассмотрит, хотя и неохотно, возможность ее принятия из практических соображений. Оратор выражает удовлетворенность тем, что Специальный докладчик указал (A/49/10, пункт 343), что у него есть достаточные основания, чтобы разработать предложения касательно последствий преступлений до следующей сессии. Хотелось бы надеяться, что такая оптимистическая оценка окажется верной.

5. Переходя к вопросу о международной ответственности за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом, оратор говорит, что любопытная нумерация статей по этому вопросу, принятых в предварительном порядке Комиссией, отражающая неточное указание порядка, в котором будут расставлены статьи, свидетельствует о том, что у Комиссии нет уверенности на предмет того, какую структуру придать подготавливаемому документу. У Комиссии были сомнения относительно масштабов этой темы с самого начала. С одной стороны, было бы естественным разработать эти статьи об ответственности параллельно статьям об ответственности государств. Обязательство государств возмещать ущерб, причиненный другим государствам, не совершившим международно противоправных деяний, будет признано на основе принципа sic utere tuo ut alienum non laedas. Выказывалось, однако, соображение о том, что такой подход не получает поддержки в существующей практике и что это стало бы слишком прогрессивным сдвигом в международном праве. Поэтому внимание было обращено на меры по предотвращению; это не является неправильным само по себе, но это отвлекло внимание от вопросов ответственности как таковой.

6. Согласно решению, принятому Комиссией в 1992 году, она сначала рассмотрит меры по предотвращению и лишь потом перейдет к коррективным мерам, которые могут "включать в себя меры, направленные на уменьшение вреда, устранение вреда и компенсацию причиненного вреда". Кроме того, меры по предотвращению, над которыми Комиссия будет работать первоначально, будут касаться лишь тех видов деятельности, которые сопряжены с риском причинения трансграничного вреда, а не деятельности, непосредственно причиняющей вред. Лишь потом Комиссия "примет решение о том, как ей действовать на следующем этапе работы". Из этого вытекает возможность того, что вопросы ответственности как таковой, понимаемой в качестве

общего обязательства возмещать причиненный ущерб, не будут рассматриваться в статьях. Делегация Бразилии сочла бы это весьма досадным результатом. Хотя у него имеются серьезные оговорки относительно подхода Комиссии к теме, оратор приветствует сбалансированные, продуманно сгруппированные статьи по предотвращению, принятые Комиссией.

7. Г-н ЯМАДА (Япония) говорит, что, поскольку Комиссия утвердила проект статей по вопросу о последствиях деяний, характеризующихся в качестве преступлений согласно статье 19 части первой проекта статей, лишь в предварительном порядке, оставив за собой право пересмотреть их, он лишь выскажет два коротких замечания. Во-первых, он вновь выражает обеспокоенность делегации Японии весьма низкими темпами работы по составлению статей по вопросу об ответственности государств. Когда Комиссия обсуждает эту тему, то реальным вопросом, подлежащим рассмотрению, является конфликт между реальностью и идеалом. Если Комиссия будет стремиться к идеалу, слишком далеко отходящему от реальности, ее работа может потерять все значение, поскольку полученные в результате проекты статей могут быть отвергнуты государствами. С другой стороны, если она будет руководствоваться исключительно мрачной реальностью, то пострадает прогрессивное развитие международного права. Следует найти золотую середину между этими двумя крайностями и ограничить сферу обсуждений. Неуместно тратить столько времени на обсуждение вопросов, не основывающихся на государственной практике, как то: понятие "государственных преступлений".

8. Во-вторых, даже если серьезное нарушение основополагающих международных обязательств будет иметь последствия, отличные от вытекающих из других нарушений международных обязательств, следует учредить организационный механизм, который будет приемлемым для большого числа государств, согласно которому можно будет выявлять и определять международно противоправные деяния, которые в будущем, возможно, будут называться "преступлениями"; затем можно будет определять ответственность и разрешать споры.

9. Что касается международной ответственности за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом, то здесь был достигнут очень большой прогресс, особенно по сравнению с предыдущим годом. Оратор считает, что проект статьи 1, охватывающей виды деятельности, "которые сопряжены с риском нанесения значительного трансграничного ущерба", составлен слишком абстрактно. Хотя он обладает тем преимуществом, что позволяет гибко применять статьи, у оратора возникает обеспокоенность на предмет того, что на потенциальные государства происхождения может лечь непомерно тяжелое бремя. Поэтому может оказаться полезным рассмотреть возможность добавления по меньшей мере иллюстративного перечня видов деятельности, подпадающих под сферу применения проекта статей. Оратор с удовлетворением отмечает, что в проектах статей предусмотрены обязательства, касающиеся достаточно всестороннего и логически последовательного предотвращения. Он считает также, что решение опустить статью, касающуюся сведения к минимуму уже нанесенного ущерба, предложенное в девятом докладе Специального докладчика, является правильным.

10. Хотя у Комиссии не было времени рассмотреть десятый доклад Специального докладчика (A/CN.4/459), в нем рассматриваются интересные и важные аспекты темы международной ответственности, как-то: предотвращение ex post, отношения между ответственностью государств и гражданской ответственностью, конкретные вопросы в области гражданской ответственности и вопрос о процедурных каналах обеспечения соблюдения обязательств. В докладе заложена прекрасная основа для дальнейшей работы Комиссии.

11. Г-н ВАН Сюэсян (Китай) говорит, что Комиссии будет трудно составлять проекты статей о последствиях государственных преступлений, пока не определено понятие государственных преступлений. Поэтому его делегация приветствует возобновление обсуждения статьи 19 части первой проекта статей на сорок шестой сессии Комиссии.

12. Хотя вопрос об уголовной ответственности государств является одним из элементов обсуждений по теории международного права, международное сообщество еще не разработало законов, касающихся государственных преступлений и их последствий. На некоторые вопросы необходимо дать ответы в международно-правовых документах, как то: будет ли понятие государственных преступлений признано в международном праве, кто будет иметь юрисдикцию в случае признания этого понятия и будет ли такая ответственность отличаться от обычных международно-противоправных деяний. Делегация Китая считает, что с учетом ограниченного числа принципов международного права, универсально признанных в настоящее время, и нынешней структуры международных отношений будет сложно ввести понятие преступных деяний в тему ответственности государств и кодифицировать ряд законов для этой цели. Поэтому она надеется, что Комиссия будет рассматривать этот вопрос осторожно.

13. Что касается вопроса о юрисдикции в отношении международно-противоправных деяний, то, по мнению делегации Китая, соображения о том, что для решения проблем, с которыми сталкивается международное сообщество, необходимо в полной мере использовать существующий механизм Организации Объединенных Наций, заслуживают внимания, однако вопрос о том, следует ли поручать этим органам выносить решения по международно-противоправным деяниям, требует тщательного изучения. Генеральная Ассамблея и Совет Безопасности – это политические органы, функционирующие в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, а не судебные органы, уполномоченные выносить решения о нарушениях международного права государством и устанавливать меру наказания. Хотя Международный Суд является главным судебным органом Организации Объединенных Наций, он не может осуществлять юрисдикцию в отношении международно-противоправных деяний государства, поскольку, согласно положениям его Статута, согласие государства лежит в основе принятия им юрисдикции суда. Кроме того, мандаты и обязанности Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности и Международного Суда вытекают из Устава. Было бы неуместным устанавливать новые мандаты для этих органов через посредство проекта статей конвенции об ответственности государств.

14. Ввиду нехватки времени Комиссия не обсуждала проекты статей о контрмерах, сформулированные Редакционным комитетом, в части второй проекта статей об ответственности государств. Однако, поскольку Комиссия ожидает, что государства-члены обсудят этот проект статей на нынешней сессии Генеральной Ассамблеи с целью выработать руководящие указания для следующего этапа ее работы, делегация Китая хотела бы высказать несколько замечаний по проекту статьи 12 (условия, касающиеся принятия контрмер), являющейся одной из наиболее противоречивых статей.

15. Делегация Китая поддерживает основополагающий подход Редакционного комитета, а именно идею о том, что урегулирование спора мирными средствами должно рассматриваться до принятия пострадавшим государством контрмер. Однако при разработке статьи Редакционный комитет не принял во внимание различные механизмы мирного урегулирования, предусматриваемые в международном праве. Включив требование о том, чтобы в качестве предварительного условия принятия контрмер в процессе урегулирования использовалась третья сторона, Редакционный комитет вместе с тем пренебрег ролью переговоров как наиболее прямого и эффективного средства мирного урегулирования. Делегация Китая считает, что оба эти средства могли бы быть предварительным условием принятия контрмер.

16. Кроме того, Китай выступает за то, чтобы допускать исключения при установлении предварительных условий принятия контрмер, ибо это позволит пострадавшему государству принимать предварительные контрмеры с целью ограничить и снизить причиняемый ему ущерб, прежде чем оно начнет и завершит осуществление процедур мирного урегулирования споров. Это необходимо для защиты интересов пострадавшего государства.

17. Г-н СИССЕ (Сенегал) поздравляет Комиссию с завершением работы по проекту устава международного уголовного суда. Делегация Сенегала придерживается мнения о том, что постоянный международный уголовный суд способен обеспечить более полные гарантии объективного, беспристрастного и единообразного применения кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, нежели временные, специальные юрисдикции. Создание международного уголовного суда должно положить конец нынешней практике создания специальных трибуналов только во исполнение резолюции Совета Безопасности и позволить избежать создания чрезмерно многочисленных аналогичных учреждений или региональных судов.

18. Что касается взаимоотношений между судом и Организацией Объединенных Наций, то делегация Сенегала не возражает против решения, предложенного Комиссией, но предпочла бы более категоричное решение – сделать суд органом Организации Объединенных Наций. Проблемы, возникающие в результате этого решения, не представляются непреодолимыми, особенно сейчас, когда ширится признание необходимости пересмотреть и другие аспекты Устава.

19. Переходя к вопросу о преступлениях, подпадающих под юрисдикцию суда (статья 20), оратор говорит, что геноцид, естественно, подпадает под юрисдикцию суда согласно положениям Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, где предусматривается, что дела по вопросам геноцида должны рассматриваться таким международным уголовным трибуналом, под юрисдикцию которого они могут подпадать. Он отметил, что агрессия, серьезные нарушения законов и обычаев, применимых в вооруженных конфликтах, и преступления против человечности также перечислены в статье 20, однако не определены в ней и что эта крайне сложная задача возлагается на проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества.

20. По мнению делегации Сенегала, преступления апартеида должны быть конкретно упомянуты в статье 20, а не в приложении. Тот факт, что апартеид ликвидирован в одном африканском государстве, не означает, что он не может вновь возникнуть где-нибудь еще. Незаконный оборот наркотических средств также должен был найти конкретное отражение в статье 20: слишком часто забывают, что именно в связи с этим преступлением Комиссии было поручено разработать устав международного уголовного суда.

21. Несмотря на эти оговорки, делегация Сенегала *ratione materiae* принимает определение юрисдикции суда, содержащееся в статье 20. Однако она не может полностью согласиться с предварительными условиями осуществления юрисдикции, изложенными в статье 21. В этом положении устанавливается двойное условие: во-первых, государство, подающее заявление, должно быть участником устава, а во-вторых, это государство должно признавать юрисдикцию суда в отношении рассматриваемого преступления. Это двойное требование создает ненужные препятствия для доступа в суд. По мнению делегации Сенегала, присоединение какого-либо государства к уставу должно автоматически означать признание юрисдикции суда в отношении преступлений, перечисленных в статье 20, без необходимости в каком бы то ни было дополнительном официальном их признании. Международное уголовное право не может быть полностью подчинено согласию государств: оно должно также соответствовать требованиям международного общественного порядка. Это понятие общественного порядка должно определять различия между уставом международного уголовного суда и Статутом Международного Суда. Последний из этих судов имеет дело главным образом со спорами между государствами, в которых международный общественный порядок может и не затрагиваться. Следовательно, любая попытка взять за основу устава международного уголовного суда Статут Международного Суда является бесполезной и опасной. Малые, слабые государства нуждаются в международном уголовном суде, юрисдикция которого будет обязательной для всех государств, малых или крупных.

22. *Что касается доступа в суд, то, согласно проекту устава, только государства-участники могут передавать в суд дело. Вопрос о том, следует ли предоставлять доступ в суд государству, не являющемуся участником устава, при условии покрытия этим государством соответствующей части расходов на разбирательства, нуждается в дальнейшем рассмотрении. Следует поощрять доступ всех государств в международный судебный орган, роль которого заключается в обеспечении мира посредством применения правовых норм.*

23. *Международные организации, особенно те, которые занимаются защитой прав человека и гуманитарным правом, также должны иметь возможность подать заявление в суд, если речь идет о тяжких и умышленных нарушениях. Следует рассмотреть и полномочия Совета Безопасности в этой связи, ибо он также является международной организацией. Мнения членов Комиссии по этому вопросу разделились. Одни опасаются злоупотреблений со стороны Совета Безопасности и считают, что как политический орган он должен оставаться в стороне от функционирования судебного органа. По мнению других, как гаранту международного общественного порядка ему не удастся осуществлять свою миссию, если у него не будет возможности передавать в суд дела в ситуациях, предусмотренных в главе VII Устава. Это, конечно же, не означает, что Совет должен вмешиваться во внутреннее функционирование суда или осуществлять контроль за ним в какой бы то ни было форме. Делегация Сенегала считает, что Совет Безопасности должен иметь возможность передавать в суд любую ситуацию, представляющую собой угрозу международному миру и безопасности. Государствам надлежит проявлять бдительность и обеспечивать, чтобы Совет не превышал своих полномочий.*

24. *Международное сообщество испытывает все более настоятельную потребность в международном уголовном суде. Комиссия проделала отличную работу по этому вопросу и завершила эту работу в срок. Теперь дело за международным сообществом, которому надлежит одобрить эту работу, созвав дипломатическую конференцию по этому вопросу.*

25. *Г-н ГОНСАЛЕС ФЕЛИКС (Мексика) говорит, что касательно ответственности государств включение понятия контрмер и проведение различия между преступлениями и деликтами задержит завершение работы по этой теме. Разграничение между преступлениями и деликтами, отраженное в статье 19 части первой проекта статей, повлекло за собой интенсивные обсуждения в Комиссии и Шестом комитете; однако потребность в таком разграничении еще не установлена совершенно точно. Делегация Мексики считает, что это разграничение влечет за собой ряд вопросов, на которые не может быть удовлетворительного ответа с учетом нынешнего состояния международных отношений. Один из основных ответов международной ответственности заключается в необходимости взаимосвязи между пострадавшей стороной и стороной, допускающей незаконное поведение. Именно эта взаимосвязь дает государству право требовать возмещения от другого государства. В проекте статей должны содержаться элементы, позволяющие четко определять сторону, имеющую право начинать осуществление мер по возмещению.*

26. *Мексика неоднократно выражала свое неприятие идеи применения контрмер. Как бы тщательно оно ни регулировалось, узаконивание карательных действий в ответ на незаконный акт будет иметь тенденцию усугублять споры между государствами. Делегация Мексики надеется, что Комиссия глубже рассмотрит возможные последствия таких мер и исключит их из проекта статей.*

27. *Переходя к проекту статей по международной ответственности за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом, оратор говорит, что растущее число видов деятельности, предусматривающих использование вредных материалов или веществ, которые могут иметь трансграничное воздействие, придает особое значение проекту статей. Следует создать механизмы по предотвращению и рассмотрению возможных последствий использования вредных материалов. Мексика разделяет мнение о том, что государствам, участвующим в наносящих вред видах деятельности, следует не только принимать превентивные меры, но и обеспечивать, чтобы*

операции под их юрисдикцией соблюдали эти меры, а при их несоблюдении несли второстепенную ответственность.

28. Один из основных элементов проекта статей посвящен области предотвращения. Делегация Мексики считает, что для включения в сферу применения проекта статей достаточно, чтобы вид деятельности был связан с риском причинения трансграничного ущерба. Государства, которые могут быть затронуты наносящими ущерб видами деятельности, осуществляемыми на территории другого государства, должны обязательно включаться в сферу применения механизма предотвращения. В этой связи уведомление и обмен информацией и предварительные консультации становятся неотъемлемыми элементами проекта статей. Вполне разумно, чтобы государства, которые могут быть затронуты наносящим ущерб видом деятельности, информировались об этой возможности и имели возможность не только высказывать свою точку зрения, но и принимать превентивные меры в связи с возможными последствиями на своей территории. Делегация Мексики поддерживает подход, принятый Специальным докладчиком в этой связи, и надеется, что сфера применения положений может быть сформулирована как можно точнее.

29. Г-н ПАСТОР РИДРУЭХО (Испания) говорит, что на настоящий момент в Комиссии существует два мнения по вопросу о последствиях деяний, характеризующихся в качестве международных преступлений. Согласно одной точке зрения, проводимое в проекте статьи 19 разграничение между международными преступлениями и деликтами не только является концептуально точным, но и уходит своими корнями в позитивные нормы международного права и в реальности международной жизни; одним словом, оно является *lex lata*. Согласно другой точке зрения, такое разграничение непоследовательно и не основывается на позитивном международном праве и в лучшем случае является *leq̄e ferenda*.

30. Это основополагающее разногласие касательно концепции международных преступлений определило соответствующие подходы к их последствиям. По мнению тех, кто отстаивает эту концепцию, совершение международного преступления влечет за собой общее право подавать заявление – так называемый принцип *actio popularis* – и сопровождается установлением других наказаний. Однако, по мнению тех, кто оспаривает эту концепцию, логически нет различий между последствиями совершения деликта и международного преступления.

31. В свете нынешней государственной практики можно сказать, что есть две основные категории нарушений международного права, в зависимости от значения нарушаемых норм и серьезности нарушения. На политическом уровне совершенно очевидно, что ни общественное мнение, ни сами государства не придают одинакового значения мелким нарушениям международного права (например, отдельным нарушениям торговых соглашений) и крупным нарушениям (например, ситуациям массовых и систематических нарушений самых основных прав человека). В первом случае нарушение вызывает беспокойство только в затрагиваемом государстве, тогда как во втором случае нарушение вызывает тревогу у всего международного сообщества и ведет к коллективным ответным мерам.

32. Делегация Испании считает, что международное право должно согласовываться с государственной практикой в плане разграничения между двумя видами нарушений: серьезными нарушениями (упоминаемыми в проекте статьи 19 в качестве "преступлений") и более мелкими нарушениями (упоминаемыми в этой же статье в качестве "деликтов"). Это разграничение должно распространяться и на последствия совершения любого из этих деяний; другими словами, совершение преступления должно вести к обязательству выплачивать репарации и к установлению других наказаний, тогда как совершение деликта должно вести лишь к обязательству выплачивать репарации.

33. С учетом серьезности последствий совершения международного преступления возникает вопрос о том, кто определяет, что было совершено преступление. Совершенно очевидно, что такое определение нельзя оставлять на одностороннее усмотрение государств, а следует производить организованным образом. Именно здесь становится ясным недостаток в организационных структурах международного сообщества. В Организации Объединенных Наций только один орган – Совет Безопасности – уполномочен определять, согласно главе VII Устава, что были совершены такие преступления, как угрозы миру, нарушения мира и акты агрессии, и устанавливать соответствующие наказания. Кроме того, Совет Безопасности не является независимым судебным органом, а представляет собой межправительственный орган, который, по сути, осуществляет полицейские функции. Судебный орган, например, Международный Суд, имеет больше оснований независимо определять, что было совершено международное преступление, и вводить соответствующие санкции. Однако, в конечном счете, компетенция Суда является добровольной, и мало того, что его юрисдикция признается весьма неохотно, особенно в отношении наиболее серьезных споров, но и даже те государства, которые в одностороннем порядке заявляют о признании юрисдикции Суда, делают это с большими оговорками.

34. Поэтому делегация Испании считает, что, хотя концепция международного преступления имеет веские юридические основания, применение этой концепции в организационном смысле наталкивается на сложности, которые могут быть преодолены только с помощью соответствующих реформ Устава и Статута Международного Суда. К сожалению, международное сообщество еще не представляется готовым к таким реформам. Тем не менее делегация Испании поддерживает сохранение в юридических текстах концепции международного преступления, ибо она будет способствовать прогрессивной реформе, развитию и укреплению международных организаций.

35. Переходя к теме международной ответственности за вредные последствия деяний, не запрещенных международным правом (A/49/10, глава V), оратор с удовлетворением отмечает, что Комиссия в предварительном порядке приняла несколько статей по предотвращению трансграничного ущерба. Это весьма похвально с учетом концептуальных сложностей, присущих рассмотрению этой темы, особенно разграничения между главными и второстепенными нормами. В этой связи делегация Испании по-прежнему убеждена в том, что деяния, охватываемые в предварительно утвержденных статьях, не запрещены главными нормами международного права; поэтому делегация Испании не удовлетворена ни общей формулировкой темы, ни статьей 1, озаглавленной "Сфера применения настоящих статей", поскольку в ней конкретно указывается на "виды деятельности, не запрещенные международным правом". Не одобряет делегация Испании и использование термина "sensible" в испанском тексте статьи 1 и в последующих статьях, поскольку она считает, что соответствующим термином в испанском языке должно быть слово "significativo".

36. Г-н ХАЛФФ (Нидерланды), ссылаясь на главу IV документа A/49/10, говорит, что его делегация поддерживает разграничение между "преступлениями" и "деликтами". Это разграничение отражает разницу между существенными нарушениями международного правопорядка и обычными правонарушениями, которые не ставят под угрозу фундамент международного сообщества, а именно сосуществование суверенных государств.

37. В принципе, нет убедительных аргументов в пользу того, что государства не могут нести уголовной ответственности; поэтому принцип *societas delinquere non potest*, по которому государство, включая его население в целом, не может быть субъектом уголовного права, не применим. В Нидерландах юридические лица могут нести уголовную ответственность, прежде всего за некоторые экономические или финансовые правонарушения, хотя технически такие лица не могут обладать *mens rea*. Нет аргументов в пользу того, чтобы особенно серьезные деяния, совершаемые отдельными лицами с использованием территории и ресурсов государства, не могли при определенных условиях вменяться в вину государству, создавая тем самым его уголовную

ответственность. По сути, концепция ответственности государств за обычные правонарушения тоже основывается на концепции вменения в вину государству актов отдельных лиц или других субъектов, действующих в качестве государственных органов.

38. Нидерландам известно, что необходимость налагать на государства уголовную ответственность ставилась под вопрос на том основании, что та же цель достижима с помощью понятия обязательств *jus cogens* или *erga omnes*; однако они считают, что понятие международного преступления и понятие нарушения обязательств *jus cogens* или *erga omnes* не всегда точно совпадают. При том что международное преступление всегда будет сопряжено с нарушением того или иного обязательства *jus cogens* или *erga omnes*, нарушение такого обязательства не всегда будет являться международным преступлением.

39. Нидерландская делегация считает статью 19 ее нынешней редакции удовлетворительной и полагает, что ее следует сохранить при возможной ее доработке, учитывающей развитие практики государств или последствия, которые будут вытекать из совершения международного преступления.

40. Что касается важного вопроса о том, кто устанавливает факт совершения международного преступления, то Нидерланды считают, что оставлять это на усмотрение того или иного государства далеко не идеальный путь и что вынесение окончательного определения следует поручить беспристрастному и независимому международному судебному органу, например Международному Суду, предусмотрев либо обязательную юрисдикцию, либо признание юрисдикции путем дополнительного протокола.

41. Что касается агрессии (статья 19, пункт 3), то ничто не мешает Совету Безопасности на основании полномочий, даваемых ему Уставом, определять факт совершения акта агрессии, при условии что этот акт является агрессией по смыслу статьи 39 Устава. То же самое будет относиться к категориям международно-противоправных деяний, указанных в пунктах 3b-3d статьи 19, при условии что они сопряжены с нарушением мира по смыслу статьи 39 Устава. В этой связи следует, однако, подчеркнуть, что при установлении факта совершения таких актов Совет Безопасности наделен политическими полномочиями в порядке осуществления своей главной ответственности за поддержание международного мира и безопасности.

42. Что касается вопроса о том, кто правомочен выступать с ответными действиями (требуя ли соблюдения существенных обязательств или прибегая к контрмерам либо санкциям), то Нидерланды считают, что такие действия в идеале должны исходить от международного органа, способного толковать и реализовывать волю международного сообщества в целом. Здесь тоже необходимо признать особую политическую и правоохранительную роль Совета Безопасности с точки зрения предусмотренных главой VII Устава его полномочий вводить санкции в интересах поддержания международного мира и безопасности.

43. Что касается существенных последствий совершения международного преступления, то Нидерланды считают, что в плане возмещения и сатисфакции такие последствия должны качественно отличаться от тех, которые возникают в результате совершения деликтов. Поэтому, невзирая на проект пункта c статьи 7, обычно действующее в отношении реституции натурой ограничение, касающееся чрезмерного объема такой реституции, необязательно применяется. Кроме того, сатисфакция может включать не только высокое "штрафное возмещение", но и меры, затрагивающие достоинство государства, которое совершило преступление.

44. Применительно к контрмерам следует проводить разграничение между последствиями преступлений и последствиями деликтов. Нидерландская делегация будет ждать дальнейших предложений Специального докладчика на этот счет. В таких предложениях следует должным образом учесть последствия чересчур суровых контрмер для населения государства, совершившего

преступление. Приемлемой контрмерой представлялось бы общее обязательство всех государств не признавать имеющей законную силу никакую создавшуюся в результате преступления ситуацию, из которой государство-правонарушитель извлекает выгоду, или общее обязательство никоим образом не помогать государству-правонарушителю в сохранении выгодной ситуации, создавшейся в результате преступления.

45. Вместе в тем должно быть ясно, что применение силы должно оставаться запрещенным, за исключением принятия мер в порядке индивидуальной или коллективной самообороны либо принятия мер Советом Безопасности, действующим на основании главы VII Устава в ситуациях, когда речь идет о преступной агрессии. Применение силы, даже в ответ на преступление, должно оставаться исключительной прерогативой организованного международного сообщества, и прежде всего Совета Безопасности, чье предварительное разрешение должно оставаться предварительным условием для применения силы в случаях, когда речь идет не об агрессии, в том числе в случаях геноцида или гуманитарного вмешательства.

46. Кроме того, при введении контрмер в ответ на преступления пострадавшие государства должны оставаться связанными принципом соразмерности.

47. Г-н ЛИМАНН (Дания), выступая от имени стран Северной Европы и ссылаясь на главу IV документа A/49/10, говорит, что североевропейские страны по-прежнему придерживаются мнения об уместности разграничения между преступлениями и деликтами. Например, разумеется, преступление геноцида или преступление против мира, например агрессия, совершается отдельными людьми, а не такими юридическими лицами, как государства. Однако такие преступления, как геноцид, прямо или косвенно вменямы в вину государству, поскольку обычно они совершаются государственными органами, подразумевая своего рода "огосударвленную преступность". В таких ситуациях ответственность не должна ограничиваться лицами, действовавшими от имени государства. Само государство тоже должно нести определенную долю ответственности, будь то в виде штрафного возмещения или мер, затрагивающих внутреннюю юрисдикцию и достоинство государства. Эту точку зрения поддерживает формулировка статьи 5 проекта кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, где предусматривается, что судебное преследование какого-либо лица за преступление против мира и безопасности человечества не освобождает государство от ответственности по международному праву за действие или бездействие, вменяемое этому государству.

48. Если термин "преступление" в применении к государству является слишком спорным, то предпочтительнее, возможно, использовать терминологию Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 года, где говорится о "серьезных нарушениях" Конвенций. Соответственно, будут разграничиваться между "нарушения" и "серьезные нарушения", а за критерий будет браться степень тяжести противоправного деяния.

49. Как представляется, вопрос о том, кто устанавливает факт совершения преступления, не отличается от того же вопроса в связи с обычными деликтами или нарушениями. В тех случаях, когда нет действующей процедуры обязательного урегулирования споров между сторонами в конфликте, затрагивающем вопрос об ответственности государства и осуществлении этой ответственности, альтернатива такова: оставить определение характера и последствий противоправного деяния, которое было, видимо, совершено, на усмотрение вовлеченных государств. Не очень удачное решение, но это хорошо известная проблема, характерная для большинства международно-правовых норм в условиях нынешней организации международного сообщества. Можно дополнительно рассмотреть возможность привлечения Международного Суда к установлению фактов совершения преступления или серьезного нарушения, ориентируясь при этом на процедуры судебного урегулирования, изложенные в статьях 65 и 66 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года. Еще одна возможность состояла бы в том, чтобы

составить текст статьи в ключе статьи VIII Конвенции 1948 года о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, где предусматривается, что договаривающаяся сторона может обратиться к соответствующему органу Организации Объединенных Наций с требованием принять в соответствии с положениями Устава Организации Объединенных Наций все необходимые, по его мнению, меры в целях предупреждения и пресечения актов геноцида. Однако сама Комиссия не должна заниматься пересмотром полномочий Генеральной Ассамблеи или Совета Безопасности.

50. Г-жа ДЕЙВИДСОН (Соединенные Штаты Америки) говорит о нецелесообразности и непродуктивности траты имеющегося у Комиссии времени на то, чтобы под рубрикой "Ответственность государств" пытаться разработать новые нормы, касающиеся международных преступлений государств. В высказываниях других государств прозвучал значительный скептицизм и неприятие данного понятия, а доклад Комиссии поднял многочисленные вопросы.

51. Во-первых, мерам, которые государства могут принять, затрагивая ответственность других государств, присуща неоднозначность. Более вопиющие деяния могут влечь за собой более суровые последствия, например контрмеры со стороны других государств, возмещение, наказание отдельных лиц за серьезные нарушения законов войны и даже действия Совета Безопасности на основании главы VII Устава в виде рекомендаций, временных мер и силовых и несиловых акций. Попытки закрепить за одной категорией деяний ярлык "преступлений", заслуживающих внимания международного сообщества, излишне ограничивают гибкость в использовании этой неоднозначности. Установление категории "преступлений" государств либо станет искусственной конструкцией, либо будет предполагать в каждом конкретном случае оценку международным сообществом, а тогда полезность этой концепции представляется в лучшем случае минимальной.

52. Во-вторых, приложение номенклатурной категории "преступление" к этим более вопиющим деяниям не отражает современной практики государств. Понятие преступления закреплено в международном праве, но только в применении к отдельным лицам, а не государствам. Одним из ключевых сдвигов в этой области является отнесение решений о незаконном развязывании войны к уголовным деяниям, за которые может нести наказание руководство государства. Однако этот сдвиг не относится к государствам как таковым. Кроме того, последний по времени из созданных трибуналов для разбора военных преступлений (Международный трибунал по бывшей Югославии) некомпетентен рассматривать "преступления" государств и заслушивать обвинения в преступлениях агрессии, выдвигаемые отдельными лицами. Таким образом, международное сообщество подошло к вопросу преступлений по международному праву продуманно и осторожно, что не находит отражения в работе Комиссии по теме "Ответственность государств". Международные же трибуналы традиционно отказывались оценивать штрафное возмещение с государств – отчасти из-за отсутствия злонамеренности у правительства государства, в отличие от отдельных лиц.

53. В-третьих, если говорить о том, что стремление Комиссии – сформулировать правовые нормы в идеальном виде, то применение понятия "преступление" к государству является нежелательным. Это не содействует развитию права и не разъясняет его нынешнего состояния. Напротив, оно запутывает его попытками приложить концепцию внутригосударственного права, построенную на *mens rea* отдельного лица, к государству. Кроме того, если основополагающая задача состоит в том, чтобы создать преграду для противоправного поведения, то надлежащим способом для этого является перенесение уголовной ответственности на тех лиц в государстве-нарушителе, которые решили стать проводниками действий государства. Установление уголовной ответственности государства вообще рискует ослабить фактор сдерживания, который имеется в виду при рассмотрении отдельных лиц в качестве уголовно ответственных. Американская делегация согласна с австрийской и другими делегациями в том, что Комиссия затягивает завершение своей важной работы, посвященной ответственности государств, позволяя себе отвлекаться на бесперспективную концепцию так называемых преступлений государств.

54. Что касается других статей второй части проекта, то Соединенные Штаты уже высказались по волнующим их вопросам в связи с формулировками статей 7, 8, 10 и 10-бис. Статья 14 "Запрещенные контрмеры" порождает трудности, поскольку некоторые действия ею заведомо запрещаются независимо от действий государства-нарушителя. Так, если государство-правонарушитель применяет крайние меры экономического или политического принуждения, ставящие под угрозу территориальную целостность или политическую независимость другого государства (например, вводя экономические санкции, препятствующие ввозу основных гражданских товаров), то другое государство может оказаться не в состоянии принять соразмерные контрмеры в попытке прекратить принуждение. Государства не могут и не будут признавать такого запрета. Аналогичным образом, из статьи 14 получается, что в том случае, если государство-нарушитель захватило дипломатические помещения другого государства, второе государство ни в коем случае не может занять дипломатические помещения государства-нарушителя. В таких обстоятельствах второе государство обязано уважать и охранять дипломатические помещения государства-нарушителя, однако требовать от второго государства продолжать считать эти помещения неприкосновенными до бесконечности неразумно и не соответствует практике государств. Наличие статьи 13 "Соразмерность" делает статью 14 ненужной; государства могут принимать только такие ответные действия, которые соизмеримы со степенью тяжести первоначального деяния и его последствиями. Пока первоначальное деяние не представляет собой действий, перечисленных в статье 14, прибегающее к ответным акциям государство не может предпринимать таких действий.

55. Статья 13 сама по себе является несколько широкой и должна быть составлена таким образом, чтобы позволять специализированным договорным режимам (где они существуют) регулировать контрмеры, которые могут приниматься в случае нарушений этих режимов.

56. Выступающая отмечает, что Комиссия избрала для своей будущей работы две важные и своевременные новые темы: "Право и практика, касающиеся оговорок к международным договорам" и "Правопреемство государств и его последствия для гражданства физических лиц и государственной принадлежности юридических лиц".

57. Г-н ПФИРТЕР (наблюдатель от Швейцарии) говорит, что разграничение между двумя категориями международно-противоправных деяний, сделанное в статье 19 первой части проекта статей об ответственности государств, породило ряд вопросов, которые подчеркивающих политическую и правовую сложность вопросов, о которых идет речь. Поскольку нельзя исключить возможности того, что такое разграничение потребует отразить в соответствующих последствиях двух категорий деяний, было бы неуместно ставить под вопрос структуру и содержание статьи 19. Эта статья была тщательно составлена и является отличной рабочей базой для Комиссии, которой следует оказать содействие и поддержку в изучении ею последствий особенно серьезных нарушений международного права.

58. Мнение, согласно которому основополагающая характеристика понятия "преступление" состоит в том, что оно освобождает ответственность государств от ограничений двусторонних отношений, является небезупречным, поскольку любое нарушение обязательства *erga omnes* одновременно наносит юридический ущерб всем государствам, затрагиваемым этим обязательством. Вместе с тем остается фактом, что выражение "преступление" обладает явным психологическим преимуществом, подчеркивая исключительную серьезность нарушения, о котором идет речь, и это должно подтолкнуть международное сообщество к действиям – либо в рамках соответствующих структур, либо силами индивидуальных государств – по защите прав и интересов как государства-жертвы, так и международного сообщества.

59. Понятие "преступление" эволюционирует, завися от степени серьезности международно-противоправного деяния. Оно относится к такому нарушению обязательства *erga omnes*,

серьезность которого затрагивает мирное сосуществование между государствами и основы всего международного сообщества. Серьезность нарушения международного публичного права отличает тем самым преступления от других международно-противоправных деяний, которые не затрагивают фундаментальных интересов международного сообщества и не могут быть отнесены к обычным деликтам.

60. При всей привлекательности замены термина "преступление" другим выражением, не несущим в себе уголовно-правовой коннотации, использование этого термина имеет значительные плюсы, поскольку он не предвещает характера ответственности за особенно серьезное нарушение международного права. Как отмечалось несколькими членами Комиссии, ответственность государств не является ни уголовной, ни гражданской. Она является просто международной, отличной от других и конкретной, а значит, рассматривать обоснованность концепции "societas delinquere non potest" в международном праве далее не имеет смысла.

61. Большинство членов Комиссии придерживаются мнения, что ответственность государств четко очерчена в проекте статей обязательством производить репарации, что не предполагает какого-либо карательного элемента. Цель проекта статей вовсе не состоит в том, чтобы наказать государство-нарушитель. В то же время эта цель не состоит лишь в получении возмещения за международно-противоправное деяние. Прежде чем потерпевшее государство будет требовать компенсации за причиненный ему ущерб, важно, чтобы государство, совершившее такое деяние, прекратило подобные действия.

62. С учетом того, как организовано в настоящее время международное сообщество, установлением факта совершения особенно серьезного нарушения *jus gentium* должно заниматься каждое государство. Хотя такое решение совсем не идеально, ибо государства, особенно непосредственно пострадавшие, могут руководствоваться субъективными соображениями, имеется ряд гарантий. Например, государство, которое руководствовалось в своем поведении собственными представлениями о том, что представляет собой преступление, должно сознавать, что к ответственности его могут привлечь и при отсутствии какого-либо фундаментального нарушения международного права. Кроме того, меры, которые государство предполагает принять в ответ на международное преступление, будут оговариваться определенными условиями, чье соблюдение может подвергаться проверке со стороны остального международного сообщества на основе объективных критериев. Наконец, прежде чем одно или несколько потерпевших государств смогут принять ответные действия в индивидуальном порядке, их следует побудить к коллективным действиям или к согласованию контрмер, которые оптимальнее всего обеспечат прекращение особенно серьезного нарушения международного права и производство возмещения.

63. В этой связи важная роль принадлежит Генеральной Ассамблее, Совету Безопасности и региональным организациям. Чтобы понятие "преступление" не вело к подтверждению существующих властных отношений, важно обеспечить, чтобы (за исключением случаев самообороны) государства были вправе выступать в индивидуальном порядке только тогда, когда коллективные ответные действия отсутствуют или невозможны.

64. Обоснованно отмечался тот факт, что признание понятия "преступление" не означает признания абсолютного и неограниченного права прибегать к контрмерам или признания *lex talionis* у индивидуальных государств или международного сообщества в целом. Не ставя под сомнение право жертв на возмещение и сатисфакцию, необходимо не упускать из виду жизненное значение примирения.

65. Чтобы локализовать любой риск эскалации, могущей нанести ущерб стабильности международного сообщества, существенные и инструментальные последствия международно-противоправных деяний не должны содержать каких-либо карательных аспектов. Полностью

освободить последствия такого международно-противоправного деяния от карательного элемента может оказаться невозможным, однако этот аспект, равно как и аспект возмездия, необходимо четко очертить, чтобы предотвратить опасное усугубление напряженности.

66. Запрет применения силы и принципы мирного урегулирования споров и соразмерности – это нормы, которые должны уважаться в любом правовом режиме, регулирующем ответные меры при совершении преступления. Суровость и масштабы юридических последствий особенно серьезного нарушения международного права не должны превышать порога, за которым население государства-нарушителя подвергается чрезмерному наказанию. Необходимо помнить, что независимо от их характера принимаемые меры будут всегда прямо или косвенно сказываться на населении, которое в большинстве своем невиновно.

67. Разумеется, поиск сбалансированного решения нелегок, однако подспорьем могут служить глава VII Устава и практика Совета Безопасности, хотя названная глава и не предназначалась для установления режима ответственности государств.

68. Швейцария не полностью разделяет мнение Специального докладчика о том, что в случае преступлений право прибегать к контрмерам следует оговорить менее строгими условиями, чем в случае деликтов. Установление менее строгих условий может породить у государств, которые считают себя жертвами преступлений, ложное впечатление о том, что у них больше возможностей в плане применения контрмер. Вместо того чтобы содействовать восстановлению статус-кво-анте, такой шаг приведет к снижению или даже исчезновению возможности эффективно добиться этой цели посредством коллективных действий.

69. С другой стороны, швейцарская делегация разделяет мнение Специального доклада и большинства членов Комиссии о возможной интенсификации не сопряженных с применением силы контрмер в отношении деликтов. При этом лучше будет избегать мер, которые особенно пагубно сказываются на населении в целом.

70. В заключение выступающий останавливается на общем обязательстве не признавать последствий преступления и не помогать "государству-правонарушителю". Причины для разграничения этих двух обязательств четко не изложены. По сути, это одни и те же обязательства. Признавать законную силу за ситуацией, в которой государство, совершившее преступление, извлекло из него выгоду, означало бы помогать этому государству в сохранении создавшейся ситуации. Аналогичным образом, помогать государству, совершившему преступление, в сохранении полученных им в результате этого выгод, – это то же самое, что признавать юридические последствия совершенных деяний.

Заседание закрывается в 12 ч. 25 м.